

Гольдин Адольф Моисеевич. НЕВЫДУМАННАЯ ЖИЗНЬ
(Из биографии Аркадия Гайдара)
Москва, «Детская литература», 1972.

Книга о юношеских годах Аркадия Гайдара — война, командира Красной Армии, семнадцатилетнего командира полка.

А. М. Гольдин познакомился с Аркадием Голиковым, будущим писателем Аркадием Гайдаром, когда им обоим было по восемь лет. Два года Адольф Гольдин и Аркадий Голиков учились в Арзамасском частном подготовительном училище Хониной, а потом в 1914 году одновременно поступили в Арзамасское реальное училище. Частенько сидели на одной парте, да и жили соседями — через два дома друг от друга. И крепко дружили.

Арзамас. Реальное училище.
Первая мировая империалистическая война
(1914—1917 годы)

И вот мы в первый день собрались в училище. Все было для нас ново, интересно и необычно.

После общей молитвы в актовом зале, где собрались все ученики и педагоги, мы пошли по своим классам.

Вскоре в наш первый класс вошел инспектор училища Дмитрий Николаевич Лебяжьев, а за ним — смешной, подпрыгивающей походкой новый учитель в форменном, с блестящими пуговицами сюртуке.

Лебяжьев сказал:

— Господа, вот ваш классный наставник — Николай Николаевич Соколов, — и, прибавив еще несколько фраз, ушел из класса, оставив нас с учителем.

В феврале 1917 года было свергнуто царское самодержавие. Тогда же произошли события, которые помнятся до сих пор. У нас в классе шел урок немецкого языка. Вдруг открылась дверь, вошел заметно взволнованный инспектор Лебяжьев и, близко наклонившись к преподавательнице Эльзе Карловне, что-то прошептал ей на ухо. Эльза Карловна отошла к окну, а ее место у стола занял Дмитрий Николаевич. Он обратился к нам со словами:

— Господа! Вам предстоит выполнить одно поручение директора. Прошу вас всех одеться и построиться во дворе.

Кто-то спросил:

— А в чем дело, Дмитрий Николаевич?

— Проходите во двор, там все узнаете. Только прошу не шуметь — в классах идут уроки.

Ничего не понимая, но догадываясь, что происходит что-то очень важное, мы ринулись в раздевалку, надели шинели и вышли во двор. К нашему удивлению, там уже построились ученики первого класса.

Больше никого. Мы недоумевали. Почему только наш третий и первый класс? В чем дело? Вскоре во двор вышли преподаватель физкультуры (фамилии его я не помню), Лебяжьев и еще несколько человек. Под команду нас повели по улице. Недоумение наше росло с каждой минутой. Я шагал рядом с Аркадием. Всем хотелось знать, что же будет дальше. Свернув за угол и пройдя немного по улице, мы увидели толпу. Возле дома, где жил исправник, слышался шум, неясные выкрики.

Один подвыпивший мастерской радостно нам сообщил:

— Сейчас будут арестовывать исправника.

Мы подошли почти к самому дому. Дальше пройти было трудно.

— Пропустите реалистов,— громко сказал Лебяжьев.

Передние расступились. Кое-как, с трудом, нарушив строй и порядок, нас провели во двор дома. У калитки стояли люди в гражданских костюмах, с красными бантами на груди. Мы все еще не понимали, зачем нас привели. Вскоре все стало ясно. Из дома вышел бывший исправник.

Бледный, небритый, он испуганно поглядывал на улицу, где шумела толпа. Оттуда уже ясно слышались выкрики:

— В тюрьму его, в тюрьму!

— Правильно,— сказал мне Аркадий.— Давно пора в тюрьму!

— Прошу взяться за руки и образовать круг,— обратился Лебяжьев к первоклассникам.

Те послушно, ничего не понимая, взяли за руки.

— Теперь прошу то же сделать вас,— обратился он к нам.

Образовалось два замкнутых круга. Впереди — первоклассники, сзади — мы. Сопровождавшие исправника лица ввели его в центр круга. Мы уже начали кое-что понимать.

Открылись ворота, и мы, не разнимая рук вышли на улицу. Толпа расступилась.

Исправник был недосыгаем для толпы. При всей злобе и ненависти, накопившейся у народа, никто не разрывал цепи, состоявшей из детей.

Расчет организаторов ареста исправника был прост и верен.

— Попил нашей кровушки, паразит проклятый!—слышалось из толпы.

Мы медленно шли в нижнюю часть города по направлению к тюрьме. По пути нас встречали новые толпы народа с красными флагами. Когда мы вошли на базарную площадь и народу стало еще больше, Аркадий сказал:

— Не хочу я охранять эту сволочь! Давай, Адька, удерем!

— Давай,— согласился я.

Разомкнув руки, мы втерлись в толпу и быстро выбрались из нее. В школу мы в тот день не пошли, а вечером рассказали все Галчонку.

Он посмотрел на нас добрыми глазами и сказал:

— Молодцы!.. Жаль, что ушли только вы двое...

Февральская буржуазно-демократическая и Великая Октябрьская социалистическая революции. Знакомство с большевиками. Первое боевое оружие. Защита Арзамаса от белогвардейщины (1917—1918 годы)

Реальное училище было штабом партии кадетов. Вся учительская была полна тюками с лозунгами и воззваниями этой партии.

Детей купцов, торговцев инспектор вызвал к себе в кабинет, вручил каждому по пачке агитационных листовок и приказал раздать их среди жителей города.

Реалистов в те дни можно было видеть на базаре, в торговых рядах, в городском саду, на улицах... Они вручали листовки почти каждому встречному. Рабочие этих листовок не брали, да рабочим их и не давали.

Аркадий забирал этих кадетских листовок больше всех, по несколько раз в день возвращался в учительскую, и, весь красный, потный от бега и тяжести, вновь и вновь уносил с собой тяжелые кипы листовок.

Инспектор училища не мог не нарадоваться усердию Аркадия. Он не знал, что все листовки Аркадий приносил в сарай дома, где жила старая большевичка Гоппиус, а там их сжигали.

<https://arzemas.ru/news/arzamasskie-biografii/nevydumannaja-istorija-arkadija-gajdara-211.html>

Борис Камов. Мальчишка-командир.

© Детская литература, 1987

© 2-е изд. (эл.). Агентство электронных изданий «Интермедиатор», 2018

Часть первая
Посеешь характер
Первое потрясение

Аркадий поднялся в класс (на дверях висела табличка «1 класс – основной»). Сунул ранец в ящик парты, открыл форточку. Сидеть и читать в громадной пустой комнате не хотелось. Аркадий вышел из класса к просторной лестнице с широкими гладкими перилами. Сам он на них кататься еще не пробовал, но видел, как лихо это делали другие. Ухватившись рукой за балясину, сел на перила боком, слегка наклонился в сторону ступеней, чтобы не свалиться в пролет, разжал пальцы и стремительно заскользил по широкому брусу.

«Будто по воздуху!» – восторженно подумал он.

Но скорость нарастала. Аркадий потерял ориентировку. И ему показалось, что он оторвался от перил и летит в пролет. И не за что было ухватиться и нечем задержать или замедлить падение. Он уже горько жалел, что соблазнился, и с ужасом ждал неминуемого удара.

Тут перила кончились, и Аркадий в самом деле очутился в воздухе, но свободный полет не доставил ему радости – он только усилил страх и ожидание беды. Когда же ноги Аркадия коснулись лестничной площадки, он поскользнулся, не устоял и пребольно шлепнулся на мрамор.

Напуганный тем, что случилось, а еще больше тем, что могло случиться, испытывая легкое обалдение от небывалой скорости, мальчик не спешил вставать, а когда наконец чуть повернулся, чтобы подняться, то увидел рядом со своим лицом идеально отутюженные брюки, темную полу форменного мундира и услышал спокойный, размеренный голос инспектора, приводивший в трепет даже дерзких старшеклассников:

– Голиков, на два часа без обеда.

...Его наказывали впервые. Целый день на уроках он был не в себе. Отвечал невпопад, нахватал троек. А после занятий спустился вниз, в вестибюль, и сел на лавку для наказанных. Она стояла справа от лестницы, той самой, на перилах которой он так неудачно прокатился. И каждый, кто уходил домой или открывал дверь в училище, видел прежде всего скамью и провинившихся. И мальчик не знал, куда деться от любопытных, равнодушных, злорадных и сочувствующих взглядов.

Часть вторая
Поженешь судьбу
«Понемногу стали они доверять мне»

...Политическая обстановка в городе становилась напряженной. Перед выборами в Учредительное собрание началась борьба за голоса. Большое влияние приобрели кадеты – конституционные демократы. Они выступали за

возвращение на трон царя, власть которого следовало, по их мнению, ограничить парламентом и конституцией. В Арзамасе у кадетов нашлось много сторонников, которые желали видеть во главе страны «помазанника Божия» из дома Романовых.

В реальном училище кадетов активно поддерживал инспектор Лебяжьев, тот самый, который оставил Голикова на два часа без обеда за катание на перилах. Вся учительская была завалена увесистыми пачками листовок на голубоватой бумаге. Лебяжьев приглашал к себе учеников из поповских или купеческих семейств, вручал им листовки и посылал раздавать на улицах. Ослушаться Лебяжьева никто не смел, поэтому реалистов с листовками видели и на базаре, и в торговых рядах, и возле кинотеатра. Каждому прохожему они норовили вручить голубоватый листок.

Среди дня в кабинет Лебяжьева постучался Аркадий.

– Голиков, вы что хотели? – официальным тоном спросил инспектор.

– Дмитрий Николаевич, я бы тоже хотел раздавать листовки.

– Вы? – Инспектор был озадачен. – Но я прошу это делать лиц, коим содержание и программа близки по духу. А вы, я полагал, вместе с господином Соколовым, с которым у нас...

– Я с Галкой, извините, с Николаем Николаевичем не во всем согласен...

– Приятная неожиданность. – На неподвижном лице Лебяжьева появилась неумелая улыбка, Аркадий видел ее впервые. – Возьмите, сколько сочтете нужным, – и показал на развязанную пачку, в которой оставалось менее половины.

– Я хочу целую. Я собираюсь на митинг...

– Пожалуйста. Ежели вам не хватит, милости прошу, приходите ещё, – произнес Лебяжьев: такого старания среди учеников еще не проявлял никто. Голиков унес за день пять полных пачек. Они были сожжены во дворе дома Гоппиусов.

<https://iknigi.net/avtor-boris-kamov/158021-malchishka-komandir-boris-kamov/read/page-6.html>